

Николай Амбражевич

Оршанская битва 1514 года: военно-исторический аспект.

Одним из наиболее эффективных способов психологической обработки масс являются политические мифы. Дело в том, что такие мифы, по мнению специалистов, не поддаются разрушению с помощью рациональных аргументов, и поэтому вполне правомерна их оценка как ненаучного знания. Для распространенности мифов, как и любой идеи, очень важно, чтобы он был максимально прост, т.е. нес в себе информацию, но не очень объемную.

Любопытно, что аналогичная закономерность характерна не только для распространения идей, но и для распространения ... вирусов. Вирусы, как и идеи, представляют собой, по сути, информацию, точнее – одну или несколько молекул РНК, где запрограммирована информация, необходимая для серийного воспроизводства вирусов. При этом, чем сложнее вирус, тем, с одной стороны, он устойчивее к внешним воздействиям, а с другой – тем сложнее происходит заражение организма.

В этом смысле мифы можно считать политическими вирусами (мифологическое мышление заменяет причинно-следственные связи самим прецедентом и смешивает причину явления с его сутью). Человек, зараженный тем или иным националистическим мифом, сам становится источником распространения подобного рода политических вирусов (аналогично клетка организма, пораженная вирусом, меняет генетический код и начинает «штамповать» новые вирусы).

Именно таким политическим вирусом и стал миф о битве под Оршей 1514 года, который с упрямством, достойным лучшего применения, пытаются привить Беларуси. Хотя прошло уже почти два десятилетия, структура данного мифа практически не претерпела никаких изменений в сторону усложнения. Поэтому рассмотрим его основные составляющие.

- великий князь Московский Василий III во главе огромного 80-тысячного войска вторгся на белорусские земли, собираясь их завоевать;
- под Оршей московские завоеватели были остановлены армией ВКЛ во главе с гетманом Острожским и разбиты;
- битва стала «классикой средневекового воинского искусства» [5];
- «белорусская» армия была в несколько раз меньше московской – 30.000 против 80.000;
- войско Великого Княжества Московского понесло огромные потери;
- победителем московских/русских «завоевателей» был православный «белорус» князь К.И.Острожский;
- произошедшая пятьсот лет назад битва под Оршей стала чем-то «небывалым» и «выдающимся» в истории нынешней Республики Беларусь (если верить пропаганде и попыткам некоторых националистов, стремящихся с начала 1990-х гг. превратить дату битвы в «свята (праздник) нацыянальнага войска» [3, 4, 5, 9]).

Это составные части мифа. А теперь обратимся к фактам.

Русь Литовская и Русь Московская

В древние времена, китайцы, оскорбляя своих врагов, желали им «жить в интересное время». Под этим они подразумевали время перемен, время усобиц и гражданских войн. Становление Русской державы – наследницы Киевской Руси, шло именно в такое время.

Киевская Русь пала под ударами внешних врагов. Врагов шедших и с востока, и с запада. Единое древнерусское государство было подорвано внутренними усобицами. Многочисленные князья и их дружины не раз сходились на поле брани. Впрочем, в этом не было ничего нового.

Столетиями воевали между собой греческие города-полисы. Заливались кровью междоусобиц германские княжества. Десятками тысяч жизней платили простые люди за сепаратизм светских и духовных правителей Италии, Франции, Британских и Японских островов, Китая...

К моменту падения Золотой Орды (конец XV в), на славянских землях сформировалось два центра религиозной духовности. Каждый из них претендовал на первенство в славянском мире и на земли Киевской Руси.

Одним центром была поддерживаемая Ватиканом католическая Польша, сумевшая фактически подчинить себе Русь Литовскую – Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское. Подчинить, в первую очередь, духовно – при помощи католической церкви [5].

К началу XVI века ВКЛ представляло собою государство «галоуным чынам літоускіх каталіцкіх феадалау», в котором «вядучую ролю ва унутранай и знешняй палітыцы ігралі буйнейшыя зямельныя уласнікі (Гаштольты, Кязгайлы, Радзівілы і іншыя)» [8]. Именно эти феодалы, принявшие католицизм, стали главным союзниками Ватикана. В то время, как подавляющее большинство населения оставалось верно Православию.

К началу XVI века православный люд на территории ВКЛ, по свидетельству С.Герберштейна, стал «жалок и угнетен тяжелым рабством». О этно-конфессиональной «терпимости» на землях ВКЛ ярко свидетельствуют слова Ст.Ожеховского, писавшего в 1564 г. православному шляхтичу: «Ты, литвин, ходишь в ярме от рождения или, как скованная узой кляча, носишь на своем хребте своего господина, а я, поляк, парю, как орел без привязи, на моей прирожденной свободе под моим королем... [12].

То, что северо-западные и южные земли Киевской Руси на которых «пазней узніклі Беларусь і Украіна», по словам белорусского историка М.Спиридонова [8], составляли «большую частку тэрыторыі ВКЛ, а «Русь», «люди русские» - большую частку яго насельніцтва, не рабіла гэту поліэтнічную дзяржаву ні «літоуска-беларускай», ні тым больш «беларускай». Дело в том, что «люди русские» ВКЛ гаварылі на «русской» («московитской» або «рутенской») мове, вызнавалі праваслауную («русскую») веру и захоувалі істотную этнічную еднасць з рускім народам Рускай дзяржавы («...очень многие до этого времени считают за одно московитян и россов или рутенов, основываясь на том, что они говорят на одном языке и исповедуют одну веру» - пісау А.Кампанэзе у 1524 г.) и таму у тыя часы не сталі ні беларусамі, ні украінцамі».

Светские и духовные феодалы Великого Княжества Литовского так же «не усведамлялі сябе ні беларусамі, ні украінцамі; ігралі у ВКЛ другарадную палітычную ролю, сумленна выконваючы волю правячай літоускай каталіцкай дынастыі». Этнические и религиозные противоречия «не гаворачы ужо пра класавыя и іншыя», были «асноунымі фактарамі палітычнай, перш за усе ваеннай, слабасці ВКЛ, што ужо не магло без дапамогі феадалау каралеўства Польскага, якія у прынцыпе ініцыіравалі многія унутры- и знешнепалітычныя акцыі ВКЛ, абараняць сваю тэрыторыю, на частку якой у канцы XV ст. пачала прэтэндаваць Руская дзяржава».

Русская держава, наследница Православной Византии и Киевской Руси, была другим духовным центром, претендовавшим на первенство в славянском мире. Центром возрождавшейся Святой Руси стало Великое Княжество Московское. Начиная с Даниила – младшего сына Александра Невского – князья московские стали превращать его в ядро будущего Русского государства.

На землях современной Белой Руси разница между тогдашними Польшей и Москвой состояла в том, русское войско приходило на свои исконные земли, где жили единокровные братья и единоверцы, которые рано или поздно, но вернутся в общее государство. Поэтому население страдало мало. Напротив, поляки, вторгаясь на западные и окраинные земли Руси, жгли и грабили «схизматиков». Фактически они были оккупантами и вели себя в соответствии с известной пословицей: «Коль не съем, то хоть понадкусываю».

Великое Княжество Московское

К началу XVI века, Великое Княжество Московское (ВКМ) превратилось в мощную Православную державу, которая «у той жа час складалася амаль выключна з этнічна рускіх зямель, хаця і не усіх». Будучи прямыми потомками и наследниками династии Рюриковичей – создателей и властителей Киевской Руси - «яе гасудары у поунай адпаведнасці з нормамі тагачаснага міжнароднага феадальнага права заявілі аб сваіх гістарычных правах на былыя землі Старажытнай Русі, што рознымі шляхамі апынуліся у складзе ВКЛ» [8].

Идея собирания всех русских земель была поддержана рядом монархов европейских держав и «перш за усе, імператарам Свяшчэннай Рымскай імперыі Максіміліянам», официально назвавшим в договоре 1514 г. Василия III «царем». Иначе говоря, с точки зрения тогдашнего международного права «Руская дзяржава паставіла знешнепалітычную задачу уз'яднання тых рускіх зямель, што былі у складзе ВКЛ і не сталі яшчэ ні беларускімі, ні украінскімі, цалкам законна» [8].

Таким образом, войны Русского государства против фактического сюзерена ВКЛ - королевства Польского, ведшиеся в конце XV - первой половине XVI вв., были «па сваёй аб'ектыунай сутнасці вызваленча-уз'яднальныя». Это были войны за возврат земель, считавшихся историческим наследством и с «безумоуна этнічна і рэлігійна роднасным насельніцтвам» [8].

Роль и место населения княжеств нынешней Белой Руси в тех войнах «можно рассматривать лишь в общем русле политики Польши и Великого Княжества Литовского (связанных с конца XIV века личной унией через династию Ягеллонов) того времени, но никак не защитниками собственного Отечества» [2]. Территории же нынешней Белой Руси отводилась в тех войнах роль плацдарма, на котором столкнулись католическая Польша и православная Русь.

Войны за «ключ-город»

Геополитическим «ключом» к славяно-русским землям ВКЛ был город Смоленск. Одним из крупнейших сражений за его присоединение была битва у реки Ведроши на Митьковом поле близ Дорогобужа, положившая начало воссоединению русских земель. Она произошла в годовщину Шелонской битвы - 14 июня 1500 года [6]. Войска ВКЛ возглавлял, назначенный великим князем литовским Александром Казимировичем, гетман Константин Острожский.

Сражение началось удачно для литовских войск. Гетману удалось разбить передовой отряд противника. Преследуя его остатки, Острожский с главными силами, переправились через реку Тросну. Там воинство ВКЛ попало в засаду, устроенную основными силами русского войска во главе с князем-воеводой Д.Щеней, которые внезапным ударом смяли неприятеля и решили исход битвы.

В результате длившейся почти шесть часов битвы, был уничтожен цвет литовского воинства, а сам гетман К.Острожский взят в плен и увезен в Москву, как отступник от Православия, воевавший против единокровных единоверцев* [5, 6]. Там он «весьма неискренно» присягнул в верности русскому государю. За это Острожскому дали чин воеводы и земли. Будучи на службе у русского государя он даже «был послан на татар, которых «победил». Однако Острожский, сам бывший крупным православным «олигархом», мечтавший стать великим князем Литовским, Русским и Жамойтским и претендовавший на роль объединителя православной Руси, как показывают дальнейшие события, не простил своих победителей и жаждал реванша.

Современник битвы, германский посол С.Герберштейн писал: «...через одно только сражение... владыка московский достиг того, чего великий князь литовский Витовт добивался в течение многих лет и с превеликими усилиями» [6]. Опытный дипломат лукавил. Хотя битва была выиграна, цели войны достигнуты не были. Главная цель Ивана III – Смоленск – возвращен не был. Ключ к освобождению княжеств Северо-Западной Руси по прежнему оставался в руках польских королей и литовских князей.

Начавшаяся в 1500 году война закончилась в 1503 году подписанием перемирия между Александром Казимировичем и Иваном III и признанием за великим князем Московским титула «Государь всея Руси». «На вечные лета» к Русскому государству отошли Стародубское княжество, 20 городов (Новгород-Северский, Чернигов, Брянск, Мценск, Дорогобуж, торопец, Гомель и др.) и 70 волостей [13].

После поражения на Ведроши, в ВКЛ «дзе выявіліся недохопы паспалитага рушэння» (в основном православного и упорно не желавшего воевать против единоверцев) «былі праведзены некаторыя вайсковыя рэформы. У практыку увайшлі «попісы» служылых людзей, а у войску з'явіліся наемнікі. Жыгімонт (Сигизмунд сменивший Александра – прим.авт.) давеу колькасць апошніх да 5 тысяч. Апроч ардыншчыны з насельніцтва пачалі збіраць падаткі на утрыманне рэгулярнага войска. Заканадауча зацверджвалася, што той, хто у вызначаны тэрмін не з'явіцца на месца збору войска, падлягае штрафу у сто рублеу. Спазненне на тыдзень, самавольны адыход з войска пад час вайны цягне за сабой пакаранне смерцю*[13].

В результате «ваенная напружаннасць прыводзіла, з аднаго боку, да мілітарызацыі свядомасці, з другога – стварала падставы для паланізацыі. (недаром начинаючы з XV века «за выключэннем невялічкага перыяда з 1492 па 1501 гг.» король польскі быў адначасова і великім князем Литовскім. Кроме того, «наумысна ці выпадкова, галоўным дваром зрабіўся кракаўскі, а гэты прымушала літоўскае, беларускае, украінскае панства да карыстання польскай мовай. Аляксандр і Жыгімонт Стары атрымалі каталіцкае выхаванне... нават такія шчыры абаронца праваслаўя, як князь К.Астрожскі, пісаў свае лісты папольску... Да таго ж неабходную вышэйшую адукацыю большасць здольных да навукі ураджэнцаў Літвы і Беларусі маглі атрымаць у кракаўскім універсітэце, які апекавала каталіцкая царква [13].

В 1507 г. началась еще одна война за Смоленск, закончившаяся 8 октября 1508 г. подписанием «вечного мира» и признанием присоединения к ВКМ Северских земель. Накануне его подписания, как одно из свидетельств доброй воли, из московского плена были отпущены К.Острожский и другие, пожелавшие вернуться в ВКЛ знатные пленники. (Любопытно, что Острожские, происходящие от Рюриковичей, имели изначально свой русский герб – Св. Георгия, убивающего копьём дракона. Но по возвращении из московского плена Константин сменил свой герб, взяв знаки дружественной польской родни, Лелевитов-Тарновских и Огоньчиков-Косьцелских).

Ватикан против Третьего Рима

В 1510-1511 году Запад узнал, что кроме Руси Литовской, духовно подчиненной Риму и Польше, есть еще одна Русь – Московская – независимая, сильная и самостоятельная. Князья которой, начиная с Ивана III, становятся государями, собирателями и представителями всей земли Русской.

В эти годы появились послания монаха псковского Елизарова монастыря Филофея к князю ВКМ Василию III, в которых он обосновал идею мирового значения – «Москва – Третий Рим»: «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко все христианские царства снисдоша в тое едино, яко два Рима падоша, а третий (Москва) стоит, а четвертому не бытии».

За всем происходящим на землях восточных славян внимательно следили из Ватикана. Там прекрасно понимали, что доктрина Филофея, овладев умами патриотов возрождавшейся православной Руси станет предметом верования, способного осветить восточным славянам высокие, мировые задачи их существования.

«Первый крестовый поход германцев против славян» римский папа Евгений III благословил еще в 1147 году. Целью его было «обращение схизматиков» и возврат их «в лоно истинно апостольской католической церкви». После разгрома германских рыцарских орденов под Грюнвальдом, проводниками католицизма на русские земли стали короли и феодалы Польши. (В начале XIII века именно они пригласили крестоносцев на восточнославянские земли).

В 1512 году римский папа Юлий II отправил к польскому королю и одновременно новому великому князю литовскому Сигизмунду I («Старому») послов с большой суммой «на заплату войску полскому» [10].

Часть денег была потрачена на то, чтобы нанять в Польше и в Западной Европе несколько тысяч конных и пеших воинов. В то же время был объявлен сбор войск из поветов ВКЛ. Местная православная шляхта «не спяшалася выконваць свой адзіны абавязак перад дзяржавай», поэтому «сеймы прынялі жорсткія меры пакарання (ад канфіскацыі маенткаў да смяротнай кары) дэзерціраў, якіх хапалі» [8].

Другую часть денег польский король использовал для подкупа окружения крымского хана, чтобы «подушать их против Москвы» [7]. Это дало необходимый результат – при посредстве поляков, в том же 1512 году, между Крымским ханством и ВКЛ был заключен договор, направленный против Русской державы [7, 8, 10].

Заключение этого союза послужило причиной для упряднения мирного договора 1508 года между ВКЛ и ВКМ.

«И бысть радость правоверным христианам, избыв латыньства...»

В 1512 году началась новая война, спровоцированная польским королевским двором. Однако поляки перехитрили сами себя. Крымский хан Менгли-Гирей, взяв папские деньги, вместо того, чтобы при поддержке королевского войска идти на Москву, стал грабить украинные (окраинные) земли. Кроме того, набегам подверглись города: Белев, Одоев, Козельск, Алексин, Рязань и др. Хотя это оттянуло значительную часть русских войск, зато союзникам хана, не ожидавшим подобного «вероломства», вместо «победоносного похода на грады восточных схизматиков» в обозе огромной крымской орды, пришлось оборонять «ключ-город» (так его называют и некоторые летописцы) – Смоленск.

Первое окружение и шестимесячная осада города русскими войсками длившиеся с ноября 1512 по январь 1513 гг. оказались неудачными для ВКМ. Второй поход на Смоленск (лето-зима 1513 г.) также не увенчался успехом. (Разве, что в состав Русской державы вошло Волоцкое удельное княжество).

После примерно двух лет боевых действий, ведшихся с переменным успехом, 29 июня 1514 года великий князь московский Василий III в третий раз осадил город. Жители Смоленска не стали дожидаться помощи Сигизмунда, который «зобрал войско польское, литовское и руское и ишол боронити Смоленска, и поддалися князю московскому з городом и замком Смоленским» [10].

30 июля 1514 года Василий III «послал воевод своих, князя Даниила Щеню с товарищами, дьяков и подьячих, велел им переписать всех жителей и привести к присяге – быть за великим князем и добра ему хотеть, за короля не думать и добра ему не хотеть; перепись и привод к присяге кончились 31 июля.

1 августа после водосвящения Василий вступил торжественно за крестами в Смоленск вместе с владыкою и был встречен народом; после молебна и многолетия в соборной церкви владыка сказал ему: «Божию милостию радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец, на своей отчине, городе Смоленске, на многие лета!» [7].

По словам современника – смоленского летописца – «смольняне, весь народ... биша челом, называюще себя государем и самодержцем всея Руси... И бысть радость правоверным христианам, избыв латыньства» [8]. В честь присоединения Смоленска в Москве был основан Новодевичий монастырь.

После этого Василий III выступил в обратный поход к Дорогобужу. Помимо жителей Смоленска, ему присягнул князь Мстиславля Михаил Ижеславский. То же сделали жители Кричева и Дубровны [7].

Фактор «православных олигархов»

Для защиты Смоленска от приближавшегося со стороны Минска войска короля Сигизмунда, великий князь московский отправил свои войска во главе с князем М.Глинским, воеводами братьями Булгаковыми (Михаилом Голицей и Дмитрием Ивановичем), и конюшим И.А.Челядниным. Их войска должны были прикрыть Смоленск со стороны Борисова, Орши, Минска и Друцка.

Польский король и его армия двигались первоначально из Минска к Борисову, т.к. надеялись на очередное предательство М.Глинского [7,10].

Честолюбивый Глинский, за несколько лет до этого поднявший мятеж против польского короля (намереваясь оторвать от короны земли населенные православными и стать их правителем) и после его неудачи перешедший от на сторону Москвы, в очередной раз «задумал измену»: он начал сноситься с королем, уверившим его в своей милости.

Глинский был очень обижен. Он строил далеко идущие планы создания собственного государства – т.н. «герцогства Борисфенского» в латинской транскрипции. Император Священной Римской империи Максимилиан у которого в молодости служил Глинский тайно обещал ему в последующем признать это государство на международном уровне. Столицей должен был стать Смоленск.

Во взятии этого города Глинский и нанятые им для московского князя в Священной Римской империи военспецы (прежде всего артиллеристы) сыграли большую роль. Глинский также обеспечил Великому князю Московскому поддержку своих тайных сторонников в самом городе. Взамен за это Василий III обещал ему отдать город в управление. Однако своего слова не сдержал. И даже открыто посмеялся над честолюбивым князем. Тот решил отомстить, переметнувшись обратно к Сигизмунду и сделав уже того орудием реализации своих смелых планов. В частности, по его совету король сделал одним из руководителей своей армии племянника Глинского князя К.И.Острожского.

По предварительному сговору, королевское войско повернуло к Днепру. Когда оно было уже недалеко от Орши, Глинский ночью бежал к Сигизмунду, однако один из его слуг известил об этом Михаила Булгакова-Голицу, который перехватил беглеца и отправил к Великому князю Московскому. Пойманный не отрицал измены: у него нашли письма Сигизмунда, в которых он приносил повинную за прежнее, предлагал свои услуги, обещал вернуть Смоленск королю и «подвести на погибель московское войско».

Не надо забывать, что Московская Русь только несколько десятилетий назад сбросила с себя татарское иго. И ее правителей, бывших данников хана, многие православные магнаты ВКЛ ведшие свои родословные от Рюрика считали ниже себя. Пример - тот же Острожский, прямой потомок Галицко-Волыньских князей, к тому же известный как удачливый полководец благодаря десяткам побед над татарами. Он был вторым по количеству подданных землевладельцем ВКЛ (в его владении находилось 25 городов, 10 местечек и 670 селений, дававших ему ежегодный доход в 1.200.000 злотых), одним из самых влиятельных православных магнатов, который также претендовал на роль объединителя и покровителя православного люда. Кроме того в его владениях находился Киев – де-юре по-прежнему считавшийся столицей Руси*.

В то же время существовала и набирала еще больший вес мощнейшая католическая партия. Однако спесивых поляков в роли правителей также вряд ли хотели видеть многие. Тем более что даже крупная польская шляхта, в сравнении с православной магнетерией ВКЛ, выглядела просто безродной голытьбой.

Поэтому та часть православных магнатов-«олигархов», вроде Олельковичей, Бельских, Гольшанских и т.д. которая, с одной стороны, не желала расставаться с верой предков, с другой – не стремилась идти «под руку» великого князя Московского, стремилась сама выступить роли объединителей православных земель бывшего Древнерусского государства – Киевской Руси. Но православную партию раздирали постоянные внутренние склоки, т.к. претендентов на роль главного объединителя было с избытком.

Например, в начале XVI века знать ВКЛ сильно опасалась того, что после смерти бездетного Александра Ягеллончика, захватить власть в свои руки, перенести столицу в Русь (имеются в виду земли современной Беларуси – прим. Авт.) и опереться на нее может дядя Острожского - все тот же Михаил Львович Глинский. Его сестра Анна была матерью Константина Ивановича Острожского. Честолюбивый Глинский иногда напоминал, что является потомком хана Золотой Орды (некоторые авторы полагают, что одним из полководцев Мамая) перешедшего на службу ВКЛ и принявшего православие. Проще говоря, давал понять, что не прочь возглавить государственный симбиоз из земель бывшей Киевской Руси и Золотой Орды.

Единственное, чего не хватало православной партии и ее лидерам для достижения цели, - четко сформулированной доктрины, которая появилась у Василия III. Речь идет об идее мирового значения «Москва – Третий Рим», сформулированной монахом псковского Елизарова монастыря Филофеем в посланиях к Василию III. (Отсутствие подобной «стержневой» идеи впоследствии с неизбежностью приведет Русь Литовскую к политическим, а затем к конфессиональной унии с Польшей и ополячиванию и окатоличиванию ее православного населения).

Соотношение сил накануне битвы

И историки, и первоисточники расходятся в цифрах, когда пытаются определить количество воинов Сигизмунда, оказавшихся под Оршей. Обычно называют заниженное число – 30 тысяч [3,5,10,7]. В то же время польские первоисточники (например, хроника И.Деция) исчисляют их в 42 тысячи человек [6]. Из наиболее точных цифр приводятся [1,8,9,11] также следующие:

15.000 – 16.000 всадников феодального ополчения ВКЛ;

14.000 польской конницы;

3.000 наемной польской пехоты;

около 2.500 всадников мелких феодальных отрядов Малой Польши и шляхты – добровольцев из Великопольши и наемников и искателей приключений из Европы.

Всего около 36 тысяч воинов. Таким образом, войско Сигизмунда «нават умоуна нельга вызначыць як беларускае» [8]. Что же касается 15-16 тысяч феодального ополчения, то «у складзе войска ВКЛ, сабранага з усіх павеатау, фактычна немагчыма выдзяліць тых, хто з'явіўся у вайска з, умоуна кажучы, беларускіх павеатау, і якіх лічыць беларусамі няма ніякіх падстаў», т.к. «аутары мясцовых летапісау вызначаюць гэта войска як «польское» і «литовское» (у сэнсе ВКЛ), альбо «литовское», «русское» і «польское», што і адпавядае сапраўднасці» [8].

Если же рассматривать всю армию короля польского и великого князя литовского Сигизмунда в целом, то большую его часть – не менее 56% составило «полское войско, над которым был гетман Ян Свирцевский*» (наемниками командовал Войцех Самполинский) [6,8,10]. Оставшиеся около 40% приходятся на выходцев из земель нынешних Прибалтики, Беларуси, Украины. Ими командовали второй из трех гетманов* К.И.Острожский и воевода Ежи Радзивилл.

В свою очередь, численность войск московского княжества принято определять в 80 тысяч [3,4,5,7]. Многие историки считают эту цифру, по меньшей мере, «сильно завышенной» [7]. Дело не только в некоторых «огрехах» литовских летописцев. Например, автор

«Хроники литовской и жамойтской» (на основании которой С.Соловьев описывал Оршанскую битву) на одной странице называет цифры 80.000 и 30.000 [10, с.104] и тут же на другой пишет, что «Москвы было пятькрат болш, ниж поляков, руси и литвы» [10,с.105].

Королевское войско шло в битву под знаменами с изображением Девы Марии и орла – герба Польского королевства. Польские орлы на знаменах короля хорошо видны на графюре XVI века (см. картинку 2).

Русское войско, оказавшееся у Орши, насчитывало намного меньше ратников, чем 80 тысяч. Необходимо учитывать, что большая часть армии Великого княжества Московского во главе с лучшим полководцем – Даниилом Щеней - стояла гарнизоном под Смоленском. Там же находилась и вся русская артиллерия. Часть сил находилась в Дарогобуже в ставке великого князя Василия III. Кроме того, московские войска, только на западном направлении, как уже было сказано выше, действовали, по меньшей мере, по четырем направлениям. Одна рать прикрывала юго-восток державы от Орды заволжских татар (её значительно позднее разбил и усмирил царь Иван Васильевич VI «Грозный»), а еще одна - охраняла южное порубежье от союзных полякам крымских татар.

У Орши оказались только полки Челяднина и одного из братьев Булгаковых – Михаила Голицы-Булгакова (при которых были воеводы Григорий Федорович Давыдов и Иван Темкин-Ростовский). Вступление этих полков в генеральное сражение явно не предполагалось и не планировалось. Это были легко вооружённые конные полки, предназначенные для разведки и набеговых операций. Тяжёлое, неудобное огнестрельное оружие тех времён в подобных операциях было полностью непригодно. Именно поэтому они не имели артиллерии и, из стрелкового оружия, были вооружены в основном луками.

Следует указать, что описание битвы содержится, помимо хроник и в ряде летописей. Наиболее подробное описание содержит Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII, с. 257-258). Однако подробного указания количества воинов и потерь обеих сторон ни одна из них не имеет.

Польский исследователь М.Гембарович считает, что под Оршей «пацярпела параженне не утрая большае захопніцкае войска Маскоускага княства, а толькі 40-тысячнае рускае войска», т.к. именно «такая колькасць яго паказана на вядомай карце ВКЛ, якая была створана у канцы XVI стагоддзя па ініцыятыве Мікалая Крыштафа Радзівіла Сіроткі у Несвіжы» (см. картинку 1) [8]. Таким образом, если и был численный перевес русских над поляками, то весьма небольшой – максимум 4-5 тысяч. А с учетом полного отсутствия артиллерии он сводился на нет.

Тем авторам, которые с упоением описывают «огромное войско» Московской Руси якобы напавшее на «маленькую Беларусь», не мешало бы знать, что в начале XVI века земли ВКЛ (даже без польского королевства), находившиеся под управлением польского короля, значительно превосходили ВКМ - и территориально, и количеством населения. Исторические кальки XIX-XX вв. использовавшиеся националистами и так сказать либеральными государственниками от истории (типа Н.Карамзина, С.Соловьева и др.) в огромных Российской империи и СССР, где великороссы были доминирующим этносом, не совсем уместно применять к реалиям пятисотлетней давности.

Для сравнения: если к началу XVI века в Италии и германских княжествах жило по 11 миллионов человек, во Франции – 15 миллионов, то население Руси Московской даже спустя полтора столетия (!) к середине XVII века составляло всего 4,8 миллиона, плюс 0,8 миллиона человек присоединившейся тогда же Левобережной Украины. Людей катастро-

фически не хватало. Их зазывали в ВКМ практически на протяжении всей его истории, всевозможными способами. Для сравнения: население Речи Посполитой (даже без Украины) составляло на тот момент 11,5 миллионов человек.

Битва под Оршей

Битва под Оршей произошла 8 сентября 1514 года. Полки Московского княжества вступили в битву под белым и светло-красным флагом с изображением Георгия Победоносца и архангелов. Полки были выстроены в «классический» боевой порядок: впереди – полки левой и правой руки под командованием М.Голицы-Булгакова, сзади – полки тыловой охраны [4,9]. Все полки были конными и не имели артиллерии [6,7,8,10].

Единого «сапрауднага кіраўніка у рускіх не было, бо Чаляднін з'яўляўся толькі фармальным галоунакамандуючым, а кожны з галоуных ваяводаў камандаваў сваім палкам асобна» [4, 7, 8, 9].

Вооружены русские полки были «пераважна лукамі, сякерамі, невялікімі шчытамі» [5]. В свою очередь, королевское войско было вооружено тяжелыми пушками, самопалами, ручницами (небольшие пушки, использовавшиеся пехотой), длинными пиками и мечами [4,5,6,7,8,9,10].

На миниатюре из Патриаршей рукописи (2-я половина XVII века), приведенной в «Энціклапедыі гісторыі Беларусі» [11, с.187] хорошо видно, что русские воины (в островерхих шлемах) из стрелкового оружия вооружены в основном луками. В то же самое время, воины Сигизмунда (в «прямоугольных» касках) вооружены исключительно огнестрельным оружием.

В отличие от русских конных полков, войска Сигизмунда были разнородной и высокоспециализированной армией, состоявшей не только из конницы, пехоты и артиллерии, но также из саперов с понтонами и оборонительного обоза. 7 сентября, ночью, обманув московские дозоры, часть польской конницы «без страт пераправілася цераз Днепр. Вышэй па цячэнню ад месца пераправы конніцы праз патаемна наведзены мост раку перайшлі пяхота, конніца і артелерыя [14]. Пехота и артиллерия воспользовалась мостом, наведенным на огромных бочках под руководством Яна Башты [15].

Встав напротив русских полков они выстроились в порядок называвшийся «старым польским»: передовой полк включал основную часть пехоты с артиллерией, имея по бокам отряды легкой конницы, главный полк состоял из тяжеловооруженного рыцарства (*gravioris armaturae*), также с отрядами легкой конницы на флангах. За правым крылом, в еловом перелеске, была приготовлена засада из части пехоты с артиллерией. (Этот маневр, прозванный *ad hoc*, впоследствии имел большое значение для победы).

Польско-литовское войско первым атаковало боевые порядки русских после того, как ксендзы отслужили молебн. [4]. Сам Острожский «перебывши Березину, рьку з гарматами и гаковницами», также «напал на войско московское» [10].

Тактический замысел Челяднина предполагал окружение противника и отбрасывание его в реку, но это приводило к чрезмерному растягиванию линии фронта.

И «бысть побоище великое Москвичем с Литвою под городом под Оршею, и вскричаша, и возопиша жены Оршанки на трубы Московския, и слышати было стуку и грому великого

между Москвич и Литвою. И удариша Москвичи на Литву..., и треснули копыя Московския... И бысть неспособность Божие Москвичам».

Острожский умело использовал распри и отсутствие единоначалия у московских воевод. Первоначально гетман предложил Челяднину мирное решение. Пока тот раздумывал над предложением, отряды польской тяжелой конницы под командованием Самполинского внезапно напали на полк правой руки под командованием Михаила Голицы-Булгакова.

По словам летописца, Челяднин «в зависти не поможе» князю Михаилу [7]. Тому пришлось отступить, чтобы привести свои войска в порядок. Тогда поляки и литовцы обрушились на самого Челяднина, а «разобиженный князь Булгаков-Голица в свою очередь не пришел уже ему на помощь» [2].

Битва складывалась крайне неудачно для русских войск «з прычыны не столькі палкаводчага генія Астрожскага, колькі выключна бездарнага кіраўніцтва бітвай» московскими воеводами [8].

В целом гетман «использовал и повторил тактику московских воевод» (Д.Щени), разбивших его у р.Ведроши в 1500 году [6].

Когда неприятель напал на войска Голицы в третий раз, Челяднин вновь не помог ему. Вместо этого, он сам попробовал атаковать противника полком левой руки. Некоторые русские летописцы прямо объясняют неудачу в битве изменой Челяднина [17]. Острожский начал «с умыслом отступать» и подвел атаковавшую конницу прямо под огонь спрятанных в лесу пушек [9].

Польская артиллерия обрушила основной удар на дальние ряды московских воинов, которые вместе с «фармальным галоунакамандуючым» дрогнули и побежали. Передовые русские отряды, не знавшие, что происходит за их спиной, продолжали сражаться. Именно в этот момент ударил засадный польский полк, состоявший из 800 всадников. Он полностью отрезал авангард московского войска [6]. Русские полки были смяты. Оршанская битва была выиграна войском короля Сигизмунда.

Много шума из ничего

Миф об «огромных потерях московитов» начал создавать сам польский король, в своем письме ливонскому магистру сообщивший, что «русские из 80.000 потеряли: 30.000 убитыми, взятыми в плен – 8 верховых воевод, 37 начальников второстепенных и 1.500 дворян» [2,7]. Впрочем, он тут же сам опроверг свою версию о «30 тысячах погибших московитов».

По свидетельству, приводимому историком Е.И.Кашпаровским, Сигизмунд «прыватна паведаміу арцыбіскупу Яну Ланскаму у Рым аб гібелі толькі 16 тысяч масквічоу» [8]. Но и это было, мягко говоря, преувеличением. И дело не только в том, что в те времена никто никогда не считал погибших простых ратников [7].

Существует и ещё один, чисто технический аспект. Артиллерия поляков не могла нанести большого урона русским полкам по той причине, что пушку в те времена заряжали от 3-5 до 8-10 минут, и абсолютно невероятно, чтобы конные русские воины находились под огнём пушек более 3-5 минут.

То есть поляки могли реально успеть дать только 1-2 залпа рассеявших конницу. Это вполне могло стать решающим фактором в битве, но никак не могло нанести существенного урона в живой силе. Учитывая незначительную дальность стрельбы и малые поражающие способности тогдашней артиллерии, цифра потерь наверняка завышена в несколько раз.

В личном послании самому римскому папе Льву X от 18.09.1514 г. польский король, после традиционного верноподданнического обращения, пишет, что «московиты собрав много (?) сил» и имея «поддержку у схизматиков» (так Сигизмунд именовал своих православных подданных), довольно легко вторглись в пределы его княжества. Эти земли король именует в послании *Ruthenorum Russiam*, т.е. *Staroj Ruthenorum Russiam*, т.е. Старой (древней) Русью.

О количестве воинов, участвовавших и павших в битве с той и другой стороны, в послании ничего не говорится. Разве что, король в заключение заявляет, что он «победил всех врагов и недругов Священного римского престола» (*Annales Ecclesiastice* – римские летописи, т.37, с.76-77).

Послание короля было в том же году опубликовано. По всей вероятности, с этой публикацией был знаком и С.Герберштейн (личный посол и шпион Максимилиана I). Кроме того, он беседовал в Вильне с Острожским, Булгаковым и Челядниным. Из публикации и бесед, судя по всему, Герберштейн и составил ту картину боя и количественного соотношения войск, которое он опишет в своих «Записках о Московии», которые и являются первоисточником в описании битвы у последующих историком.

В то же время первоисточники – литовские письменные перечисления – т.н. «Кёнигсбергские акты», свидетельствуют, что «всех пленных, как взятых под Оршей, так и в других местах той войны, шедшей уже более дух лет (с 1512 г.), было только 611 человек» [2,7]. По московским же источникам, под Оршей в плен попало и вовсе только 380 «детей боярских»* [2].

«Срам» под Смоленском

Воодушевленное победой в битве, польско-литовское воинство под предводительством гетмана Острожского двинулось к Смоленску, надеясь взять город и выиграть затянувшуюся на три года войну. К Смоленску гетман подошел с 6-тысячным войском [2].

Возникает вопрос: куда девались остальные примерно 30 тысяч королевской армии? Остались ли они навечно на месте битвы? Тем более что данные о потерях воинов-победителей практически отсутствуют. «Разойтись по домам» они также не могли – целью войны было оставление за собой Смоленска, а не победа в одной из битв.

Узнав о приближении королевской армии к Смоленску, Острожскому сдались Дубровна, Мстиславль и Кричев. Мстиславский князь Михаил Ижеславский отправил Сигизмунду «грамоту с обещанием верности, с извинением, что только по необходимости служил некоторое время великому князю московскому» [7].

То же самое собирались сделать и знатнейшие жители Смоленска во главе с епископом Варсонофием. Епископ отправил к польскому королю своего племянника с письмом главившим: «если пройдешь тепер к Смоленску сам или воевод пришьлеш со многими

людьми, то можешь без труда взять город». Предательский замысел верхушки был сорван простыми людьми, так как «бояре смоленские и мещане хотели остаться за Москвою».

Они выдали заговорщиков наместнику русского государя – князю Василию Шуйскому. Шуйский приказал повесить всех изменников (кроме Варсонофия) на городских стенах, на виду у королевского войска. С.Соловьев пишет: «который из них получил от великого князя шубу, был повешен в этой самой шубе; который получил ковш серебряный или чару, тому привесили на шею эти подарки и таким образом повесили» [7].

Все горожане Смоленска встали на защиту города. Константин Острожский «замку не взял, але коло Смоленска попустошивши все, отыишол до короля». [10]. Его преследовали и отбили почти весь обоз: «Острожский у града Смоленска не успев ничтоже возвратился с великим срамам, абие (тогда) же из града вышедшие многие люди, и литовских людей многих побиши, а иных многих панских детей и гетманов поимаше, а князь Константин побеже, многие возы и телеги со скарбом оставише», - писал летописец [2].

Итоги войны 1512-1522 гг.

В результате военной кампании 1512-1514 гг. Смоленск вновь стал русским. Это была непоправимая потеря, угрожавшая существованию всей политической системы ВКЛ. Польский хронист М.Меховский горестно констатировал: «Ничего более ужасного не было причинено королю Сигизмунду и литовцам» [6].

Напрасные «спробы Жыгімонта (Сигизмунда – прим. авт.) дабіцца хоть якой-небудзь перамогі у вайне у далешым прымуслі яго шукаць міру або перамір'я з Васіліем III. З такой мэтай у красавіку 1517 г. у Маскве і з'явіўся пасол Максіміліяна I.C.Герберштэйна» [8].

Иначе говоря, не добившись решающего перевеса в битве с московским княжеством военным путем, Сигизмунд предпринял попытку добиться главной цели войны – возврата Смоленска и Смоленщины – на дипломатической поприще.

Однако дипломат Василия III не только «катэгарычна адмовіўся вярнуць Смаленск, але заявіў паслам ВКЛ, якія прыехалі у Маскву: «А которые города государя нашего отчина от прародителей его Киев, Полтеск, Витебск и иные города – государя нашего отчину – Жигимонт король держит за собою неправдою, и он бы тех городов государю нашему поступился...».

Это же самое требование было предъявлено литовским послам в 1520 году. Оно было подкреплено общим наступлением от Новгорода, Пскова, Смоленска и Стародума Северского и опустошением в 1519 году 50-тысячным русским войском ВКЛ «аж до Крэва». Тогда армия Москвы «з вялікім палонам вярнулася без страт» [8]. А король польский был вынужден начать мирные переговоры с великим князем Московским.

В итоге «прынцыповая пазіцыя Васілія III перамагла». 14 сентября 1522 г. Сигизмунд «вымушаны быу згадзіцца на 5-гадовае перамір'е на умовах «государя всеа Руси»: Смаленск и Смоленшчына канчаткова засталіся у рускай дзяржаве, што знайшло адлюстраванне у тагачасным тытуле Васілія III: Великий господар... Божьею милостью господар всеа Руси и великий князь володымерский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверский, югорский, пермский, болгарский и иных...».

Невзирая на то, что «нібыта «25 тысяч беларускіх ваяроу перамаглі і ушчэнт разнеслі 80-тысячнае войска маскоускага уладара», менавіта яно і далей не толькі зрывала усе спробы саюзных войск, якім да таго ж сінхронна не раз дапамагалі полчышчы крымскіх татар, адваяваць хаця б адзін з тых населеных пнктау (акрамя Дуброуны, Крычава і Мсціслава, якія пакінулі рускія войскі), што пры Іване III і Васілі III былі далучаны да Рускай дзяржавы, але і рабіла глыбокія рэйдзы па тэрыторыі ВКЛ», а «міф аб гібелі неверагоднай колкасці і нават аб поуным разгроме войска Рускай дзяржавы стварау і усімі даступнымі яму сродкамі распаўсюджвау Жыгімонт, які пасля страты Смаленска такім чынам спрабавау падмацаваць міжнародны аутарытэт сваіх дзяржау» [8].

Как создаются мифы

Что касается легенды о беспримерном масштабе «оршанского триумфа» и потерях противника, то создавать ее, как уже говорилось начал сам Сигизмунд I, рассылая послания с обширным описанием победы к папе Льву X, венгерскому королю Владиславу, венецианскому дожу Вавжинцу Лауредано, воеводе Трансильвании Яну Заполии, а также ряду других монархов и сановников Апостольской столицы...

Широко разрекламированная в Европе в XVI-XVII веках Оршанская победа польского в своем большинстве войска над «еретиками и схизматиками москвитами» была всего лишь победой в проигранной войне. Выпячивание роли в битве православного князя К.Острожского было хитрым информационно-пропагандистским ходом Ватикана*. Рим начал затушевывать участие в Оршанской битве войск католического польского королевства и выдвинул на первый план воинов ВКЛ и их православного командующего.

При папском дворе шли церемонии в честь «небывалой победы». «Паэты пісалі вершы у гонар К.Астроскага, мастакі стваралі гравюры і маляунічыя карціны [5, 16]. С подачи римского папы и польского короля события битвы проигранной войны были запечатлены (около 1520 г.) на большом полотне – 1,5 x 2,5 метра. (Сейчас она хранится в национальном музее Польши в Варшаве) [5, 16]. В 1514 г. в Нюрнберге «па свежих слядах быу выпушчаны спецыяльны артыкул вайскавых навінау, прысвечаны апісанню бітвы пад Воршай» [5, 16]. Такого международного резонанса не было даже в честь Грюнвальдской битвы [6, 16].

Католические иерархи были крайне заинтересованы не только в поднятии авторитета Польши и ВКЛ (будущей Речи Посполитой), проигравшей войну за духовное главенство в славянском мире Русской державе, но и в том, чтобы как можно сильнее замолчать это поражение.

В целом в то время, по словам польского историка И.Граля [16], влияние оршанской пропаганды в значительной степени сказывалось на формировании нелестного образа «Москаля», давая мощный импульс для развития теории о «восточной угрозе». Аналогичное, хотя и несравненно более сильное влияние оказала она на польское общество, до той поры отдаленное от «московского» вопроса. Пересказ оршанской победы был широко распространен чуть ли не во всей историографии XVI – начала XVII вв.: выпущенные краковскими типографиями труды Андрея Кшицкого, Кшиштофа Сухтена, Валентога Эка и Яна Дантишка; Панегирик» Бернарда Ваповского, «Ода на триумф...» Транквилла Андроника, «Еоиграматы» папского легата в Польше Якова Пизона, гимн Каспара Велиуса «Во славу короля Сигизмунда»; работы Мартина Бельского, Экта Дециуша, Станислава Ожеховского, Кшиштофа Варшевицкого; напечатанные в Кракове, Риме и Нюрнберге бро-

шюры и листовки на латинском и немецком языках, ставшие первыми материалами такого типа, использованными польской дипломатической службой и т.д. и т.п.

Сам князь Острожский за победу над православными единоверцами получил монарший привилей на возведение двух каменных православных церквей в столичном Вильно! Нельзя не согласиться с польским ученым, в том, что этот акт, кроме того, что «удовлетворял радость победителя», являлся остро политическим. По задумке королевского двора он должен был «доказать единство приверженцев православия и католицизма в борьбе с общим врагом».

В роли этого «врага» для православного населения нынешних Беларуси и Украины тогдашние польские короли хотели видеть «москвитов». Причем уже одним этим названием жителей возрождавшейся Руси они стремились вбить клин между своими православными подданными («настоящими» русинами-русскими) и их единокровными братьями по вере («азиатами» из «Московии»). Недаром гетман Острожский даже сыскал себе в то время среди краковских гуманистов прозвище «Сципион Русский».

Соответствующий ренессанс пережила «оршанская тематика» в Речи Посполитой во время ее войны с Россией в начале - первой половине XVII века, т.е. во времена Смутного времени, когда поляки вновь осадили Смоленск и даже оказались в Москве. После разгрома и изгнания поляков ополчением Минина и Пожарского тема «великого триумфа» столетней давности, звучала при королевском дворе еще актуальнее: во-первых, надо было «смазать» позор поражения нанесенного гордой шляхте «мужиками-лапотниками»; во-вторых, взбодрить приунывшее воинство; в-третьих – попугать Европу «угрозой с Востока».

Некоторые историки считают, что «оршанская пропаганда», дескать, была настолько эффективна, что способствовала разрыву политического союза Московской Руси и Священной Римской империи. Якобы римский кесарь Максимилиан настолько поверил развернутой поляками в Западной Европе пропагандистской кампании, что разорвал отношения с Василием III. В данном случае уместно вспомнить пословицу о том, что самая эффективная ложь – это неправильно понятая правда.

Дело вовсе не в легковёрности кесаря и пропаганде Ватикана. Не сбрасывая эти факторы со счетов, причину разрыва политического союза с Москвой целесообразно искать в нежелании Максимилиана способствовать дальнейшему усилению своего недавнего союзника, взявшего Смоленск, - геополитический «ключ-город» к русским землям ВКЛ. Тактически императору было выгодно ослабление польского короля и великого князя литовского в непрерывных войнах за наследство Киевской Руси с восточным соседом. Однако стратегически Максимилиану, как католику и императору Священной Римской империи, вовсе не улыбалась перспектива появления на Востоке православного Третьего Рима.

Именно поэтому вроде бы союзник Василия, Максимилиан, вместо того чтобы воевать против Сигизмунда, взял на себя роль посредника и прислал в Москву в 1517 г. своего личного посла и шпиона С.Герберштейна. Основной целью будущего автора «Записок о Московии» было – уговорить Василия III вернуть Смоленск Сигизмунду I. Поскольку, как известно, это Герберштейну не удалось, его хозяину не оставалось ничего иного, как, довольствуясь малым – пресловутыми «Записками», включиться в пропагандистскую кампанию, развернутую вокруг битвы под Оршей Ватиканом. Именно Максимилиан удержал тевтонского магистра от войны с Польшей, написав тому, что «нехорошо будет, если польский король унижится, а московский возвысится».

Таким образом, подводя итоги, можно выделить следующее:

1) В Оршанской битве принимали участие приблизительно равные по силам войска. Армия польского короля и великого князя литовского Сигизмунда состояла в большинстве из поляков и была вооружена новейшим (на то время) оружием. Русские войска были вооружены гораздо хуже. В их составе воевало гораздо больше выходцев из земель ВКЛ (православные жители Смоленска и близ лежащих княжеств Белой Руси), чем в армии противника.

2) Поражение потерпела не вся армия, а лишь некоторая часть войск Великого княжества Московского, состоявшая из нескольких полков, прикрывавших Смоленск. Простой народ отреагировал на нее появлением поговорки: «Кепско у Витебска, у Орши горше, а у Минску по свинску».

3) Большинство пишущих об Оршанской битве старательно стремится умолчать о потерях королевского войска, от которого осталось в живых после «блистательной победы» около 6 тыс. человек, т.е. потери составили более 85 % воинов! В том числе и поэтому не «победитель» Сигизмунд-Август, а «побежденный» Василий диктовал условия мира. Так что «великие воители» Я.Свирщевский и К.Острожский могут, в лучшем случае, претендовать на сомнительные лавры царя Пирра, примерно с такими же (в процентном отношении) потерями победившего римлян в своей предпоследней битве. (В последней Пирр, у которого практически не осталось воинов, был убит). Впрочем, даже на лавры Пирра победители под Оршей могут претендовать с очень большими оговорками – у эпирского царя Античности не было столь внушительного перевеса над противником в виде тяжелой артиллерии и огнестрельного оружия.

4) Польский король и великий князь литовский Сигизмунд и его гетманы выиграли битву под Оршей, но в то же время, проиграли всю военную кампанию 1514 года. Свидетельство этого – потеря Смоленска и части земель Смоленского княжества. Победа под Оршей, - пишет Н.Карамзин, - «не имела военных следствий, была рядовой битвой во все разгоравшейся борьбе Москвы и Литвы за воссоединение русского народа». Он приводит заявление Василия III: «Доколе конь мой будет ходить и меч рубить, не дам покоя Литве».

5) Первенство в славянском мире после этой войны, начало переходить от католической польской державы и вассального ей ВКЛ к православному Великому княжеству Московскому. Его князь – Василий III – стал победителем и воссоединителем древних русских земель. Оршанская победа польско-католического в своем большинстве войска над «еретиками и схизматиками московитами» была всего лишь победой в проигранной войне за контроль над этими землями.

Несколько слов в заключение

К сожалению, как уже указывалось в начале, одновременно с развалом единого государства и на белорусской земле появились направленные на разжигание национальной и религиозной нетерпимости и вражды националистические пасквили превратившие созданный в средневековой Польше миф о битве под Оршей в «значимый» для белорусов.

Очень не хотелось бы, чтобы сомнительный средневековый триумф польского короля (им же самым созданный и распропагандированный) выдавался политиками от истории, преследующими свои узкокорыстные цели, за «историческую победу» белорусов над россиянами. Именно поэтому данная работа написана не для «Москвы» (она и сама разберет-

ся), а для Беларуси, по земле которой прокатывалось множество различных битв и войн, которые люди, ее населяющие, прочувствовали на себе.

Роль и место населения княжеств Белой Руси в тех войнах можно рассматривать лишь в общем русле политики Польши и Великого Княжества Литовского (де-факто связанных с конца XIV века личной унией через династию Ягеллонов) того времени, но никак не защитниками собственного Отечества. Территории же нынешней Беларуси отводилась в тех войнах роль плацдарма, на котором столкнулись католическая Польша и православная Русь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арлоу У., Сагановіч Г. Дзесяць вякоу беларускай гісторыі. – Вільня, 2001. – С.86-89.
2. Баранов В. Оршанская битва: правда и домыслы // Во славу Родины. 1992. 17 сентября, с.3.
3. Бірукоу М. Яшчэ раз пра святкаванне 8 верасня // Звязда. 1992. 8 верасня, с.1,3.
4. Грыцкевіч А. 8 верасня – дзень беларускай вайсковай славы. 485 гадоў Аршанскай бітвы //Наша слова. 1999. 8 верасня, с.3.
5. Купава М. Дзень вайсковай славы Беларусі // Звязда. 1992. 8 верасня, с.1-2.
6. Михайловская Л. Оршанская битва //Знамя юности. 1995. 8 сентября, с.1-2.
7. Соловьев С. Сочинения. В 18 кн. Кн.3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времен. – М.: «Мысль», 1989. – 783 с. (с.236-240).
8. Спірыдонау М. Дауня бітва. Прауда і быль // Чырвоная змена. 1994. 13 октября, с.2-3.
9. Трусау А. Аршанская бітва і лёс Беларусі // Звязда. 1992. 5 верасня, с.2.
10. Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей. – М.: «Наука». 1975, с.102-106.
11. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т.1. –Мн.: «Беларуская энцыклапедыя». 1993, с.187-188.
12. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М.: МГУ, 1994. – С.34.
13. Тарасау К. Памяць пра легенды. – Мн.: Польша, 1994. – С.102-105.
14. Белінфарм. Бітва пад Оршай // Народная газета. 1992. 8 верасня, с.3.
15. Kaminski A.J. Dwa swiadectwa rycerskich zaslug mieszczanina zywieckiego Jana Baszty // Gronie, 1938, N 8. S.194-196.
16. Граля И. (Польша) Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Чтения памяти В.Б.Кобриня «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма». – М., 1992. – С.46-50.
17. Устюжский летописный свод. М.-Л., 1950. с.106.
18. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. - Москва, изд-во. МГУ, 1988.
19. Бохан Ю.М. Наёмная войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV - XVI стст. Минск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004. – 92 с.

Битва на Ведроше. Ведроша (Ведрош) - речка, впадающая в Днепр близ Дорогобужа. В 1500 г., во время войны Иоанна III с литовцами, тут происходил, кровопролитный и славный для русских бой. Воеводы их, князь Даниил Щеня и боярин Юрий Захарьевич, расположились станом на Митьковском поле, на берегах Ведроши. При наступлении литовцев, которыми начальствовал князь Константин Острожский, передовой московский полк отступил на другой берег реки, где была скрыта засада, и увлек за собою противника. Во время загоревшейся здесь ожесточенной сечи, литовскому полководцу пришлось ввести в дело последние резервы. В это время внезапно ударили на него скрытые в засаде войска,

смяли литовцев в обратили их в бегство. Кн. Острожский, со многими знатными панами, взят был в плен, обоз и огнестрельный снаряд достался в руки победителей (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, т.10).

Глинский Михаил Львович. Князь. Обладая от природы недюжинным умом, многому научился во время 12-летнего пребывания за границей. Служил в войске Альбрехта саксонского, у Максимилиана I в Италии, где принял католицизм, был и в Испании, выучился говорить на главных европейских языках.

В 1499 г. великий князь литовский Александр сделал его маршалом своего двора. Громадное богатство Г. помогало ему приобретать себе сторонников и друзей, преимущественно, впрочем, из среды русского боярства. Литовская знать сильно опасалась, что Г., по смерти бездетного Александра, может захватить власть в свои руки, перенести столицу в Русь (имеются в виду земли современной Беларуси – прим. Авт.) и опереться на нее. Когда Александр сильно заболел, многие подозревали, что, в стачке (сговоре) с доктором Валинским, Г. хотел отравить короля, и это подозрение усилилось еще более, когда князь освободил, арестованного канцлером Ласким диктора и дал ему возможность бежать в Краков.

Победы Г. над татарами только усиливали зависть и ненависть к нему. Вскоре Александр скончался. Отправлению его тела для погребения в Краков воспротивились паны, боясь, что в их отсутствие Г. легко может овладеть Вильной. Между тем в литовскую столицу прибыл королевич Сигизмунд. Враги Г., особенно Забржезинский, добились того, что Г. воспрещен был свободный вход в покои государя. Г. требовал суда с своими противниками, но король вел себя в этом деле вяло и нерешительно; Г. обращался к посредничеству венгерского короля Владислава (1507 г.), но напрасно. Тогда Г., вместе с братьями Иваном и Василием, уехал в свой Туров, созвал к себе слуг и друзей и назначил королю срок, к которому ему должен быть дан суд.

Великий князь Московский, воспользовался случаем и предложил всем Г-м защиту, милость в жалованье. Попытка Сигизмунда возвратить Г. в Литву не состоялась, и Г. заключил формальный договор с Москвою. В начале 1508 г. Г. открыто поднял знамя бунта. С братом Василием он осадил Минск, но, не будучи в силах взять его, пошел к Клецку. Здесь братья разделились: Василий пошел на киевские пригороды поднимать русских, а Михаил опустошил слущкие и копыльские волости и взял Мозырь. По приходе к нему на помощь от вел. кн. Евстафия Дашкевича, с 20 тыс. конницы, Г. из Мозыря пошел на другие русские крепости и заключил договоры с послами московскими, молдавскими и крымскими, действуя как бы владетельный государь. Московские воеводы подошли к Г. на Березину, сообщая с ним осадили Минск и послали отряды к самой Вильне; другие воевали Смоленскую обл., третья подошла к Бобруйску. Вскоре Вел. кн. послал еще новые полки к Орше; но подоспевший с войсками король заставил их снять осаду и отступить. Г. отправился в Москву, где принят был весьма милостиво. Но вскоре между Сигизмундом и Василием заключен был мир, поставивший Глинских в положение изгнанников. Они лишились своих владений в Литве и выехали со своими сторонниками в Москву.

Михаилу Г. дано было два города: Ярославец и Бировск. Король несколько раз просил Василия выдать ему Г-х, обещая простить им прошлое. Вел. кн. отвечал, что Г-кие перешли к нему во время войны и таким образом сделались его подданными, а подданных он не выдает никому. Когда между Москвой и Литвой вновь вспыхнула война (1512 г.), Г. послал своего наперсника, немца Шлейница, в Силезию, Чехию и Германию нанять конных воинов и кнехтов, которые перебирались в Москву через Ливонию. Ратью предводительствовал сам государь; Г. был одним из воевод большого полка.

Смоленск был взят и Василий вошел туда 1 авг. 1514 г. Г. надеялся получить этот город от Вел. князя; но Василий, по словам Герберштейна, смеялся над излишним честолюбием Г. Тогда последний задумал измену: он начал сноситься с королем, который уверил его в своей милости. По предварительному уговору, королевское войско пошло к Днепру; когда оно было уже недалеко от Орши, Г. ночью бежал к нему; но один из его слуг известил о том русского воеводу, который Г. и отправил к Вел. князю. Г. не запирался в измене: у него нашли письма Сигизмунда. Готовясь к смерти, Г. смело говорил о своих услугах и о неблагодарности Василия. Его заковали в цепи и отправили в Москву (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, т.16).

Щеня Даниил Васильевич. Князь. Известный воевода, Вел. Князя Московского Ивана Васильевича III. В 1489 г. Щ. с 64 тысячным войском ходил на вятчан, грабивших северные земли. Большое участие принимал в литовской войне и в предшествовавших ей порубежных спорах и стычках из-за перехода пограничных князей в Москву. В 1493 г. Щ. вместе с князем Василием Ивановичем Патрикеевым взял Вязьму и князей вяземских привел в Москву. В 1499 г. Щ., под начальством главного воеводы кн. Даниила Холмского, разбил у р. Ведроши литовского гетмана Константина Острожского и взял его в плен. После падения Ивана Юрьевича Патрикеева и зятя его Ряполовского, Щ. занял место второго воеводы московского. В 1514 г. Смоленск был взят войском под начальством Щ., сделавшегося после опалы Д.Холмского (в 1508 г.), первым воеводой. В последний раз упоминается имя Щ. в «Актах Зап. Руси» под 1515 год. (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, т.79).

По словам польского историка И.Граля, победа польско-литовских войск под предводительством князя Константина Острожского, одержанная в битве под Оршей 8 сентября 1514 г. над русской армией, возглавляемой Иваном Андреевичем Челяднинным, была встречена ягеллонским двором с энтузиазмом. Победа в этой великой битве, хотя и действительно внушительная, не принесла (с военной точки зрения) большого успеха кроме освобождения границ от московских отрядов. Главная же цель кампании - завоевание Смоленска - так и не была достигнута, что не оказало существенного влияния на развернутую с огромным размахом дипломатической службой польско-литовского государства пропаганду.

Первоочередной целью Ягеллонский дом считал разрыв возникавшего габсбургско-московского союза (миссия Георга Шнитценпаумера в Москве в феврале-марте 1514 г... Чрезвычайно привлекательной целью было привлечение европейских симпатий на сторону Зигмунта (Сигизмунда) I накануне приближающегося большого дипломатического розыгрыша между Краковом и Веной по вопросу венгерского наследия.

Создавать легенду о беспрецедентном масштабе «оршанского триумфа» начал сам Зигмунт I, рассылая послания с обширным описанием победы к папе Льву X, венгерскому королю Владиславу, венецианскому дожу Вавжинцу Лауредано, воеводе Трансильвании Яну Заполи, а также ряду других монархов и сановников Апостольской столицы...

Почетное место в пропагандистских начинаниях ягеллонского двора заняли литературные произведения, широко популяризирующие это событие. Краковские типографии в 1514 г. напечатали следующие труды: «Послание королю от имени королевы Барбары после победной битвы с Москалями» Андрея Кшицкого, «О великолепной победе Зигмунта над москалями» Кшиштофа Сухтена, «Гимн Кракову» Валенто Экка и «О великой победе над москалями» Яна Дантишка. Все эти латиноязычные произведения вошли потом в состав изданного Ласким в 1515 г. тома: «Песни о памятном разгроме московских схизмати-

ков» (*Carmines de memorabili caede scismaticorum Uoscoviorum*), пропагандистское предназначение которого было очевидным. Кроме того, этот том обогатили произведения, специально заказанные по этому случаю: «Панегирик» Бернарда Ваповского, «Ода на триумф...» Транквилла Андроника, а также «Еоиграматы» папского легата в Польше Якова Пизона. Список этих соответствующих случаю творений следует дополнить еще победным гимном Каспра Велиу/са/ «Во славу короля Сигизмунда», изданным в Кракове в 1514 г.

Особую категорию печатных пропагандистских материалов, используемых ягеллонской дипломатией, составляли напечатанные в Кракове, Риме и Нюрнберге брошюры и листовки на латинском и немецком языках: «Письма Пизона к Иоанну Корицию о конфликте поляков и литовцев с Московитами», «Письма короля Польши Сигизмунда ко Льву X о победе против еретиков и схизматиков московских», «Битва короля Польши с Московитом», «Правдивое начало и уроки битвы короля Польши с князем Московии». Симптоматично, что эти листовки, выпущенные иногда с некоторыми изменениями, были первыми материалами такого типа, использованными польской дипломатической службой.

Особую роль в создании образа оршанской битвы как беспримерного триумфа ягеллонского оружия сыграли также разнородные художественные произведения, возникшие в кругу мецената короля и его советников. Военачальник - победитель, князь Острожский получил монарший привилей на возведение двух каменных церквей в столичном Вильне: церковь Троицы (должна была заменить деревянную святыню) и церковь Перенесения реликвий св. Николая. Акт этот, кроме того, что удовлетворял радость победителя, являлся остро политическим. Это должно было доказать единство приверженцев православия и католицизма в борьбе с общим врагом: недаром Острожский сыскал себе в то время среди краковских гуманистов прозвище «Сципион Русский».

Королевский меценат приобрел интересное живописное полотно - «Битва под Оршей» (Народный музей в Варшаве), выполненное анонимным художником, вероятно круга Крахаха. Упомянутое произведение, представляющее собой превосходный иконографический источник для реконструкции хода битвы и способов вооружения обеих армий (см. работы М.Валицкого), следует признать за явное свидетельство пропаганды королевским двором одержанного триумфа. Неоконченная дискуссия по поводу даты возникновения (этого) произведения (Хербст и Валицкий - 1514-1515, И.Белостоцкий - после 1518 г.) вынуждает осторожно относиться к тезису о связи между возникновением этого произведения и усилиями польской дипломатии, предпринятыми в отношении венского съезда 1515 г. (З.Жигульский - 1978), что не меняет, однако пропагандистской сущности самого начинания. Принятие датировки Белостоцкого предполагает, кроме того, тезис о существовании еще одного изображения оршанской битвы, имеющегося в 1515 г. в краковском костеле францисканцев.

Пропагандистская деятельность ягеллонской дипломатии оказала существенное влияние на дальнейшее развитие европейских отношений, влияние ее отчетливо сказалось во время осенних переговоров в Буде (1514 г.), проводимых императорским уполномоченным Иоанном Цуспиняным и канцлером польским Кшиштофом Шидоювецким, а также во время посреднической миссии папского легата, предпринятой Апостольской столицей вопреки намерениям ее истинного доверителя императора Максимилиана I Габсбурга. События эти значительно повысили престиж ягеллонского дома, а примиряющий Ягеллонов с Габсбургами Венский съезд, для хода которого существенное значение имела оршанская пропаганда, окончательно похоронил идею союза врагов Зигмунта под началом Вены и Москвы.

Влияние оршанской пропаганды в значительной степени сказывалось на формировании нелестного образа «Москаля», давая мощный импульс для развития теории о «восточной угрозе». Аналогичное, хотя и несравненно более сильное влияние оказала она на польское общество, до той поры отдаленное от «московского» вопроса. Пересказ об оршанской победе был широко распространен чуть ли не во всей историографии XVI в. (в том числе «Хроника» Мартина Бельского и «Книга о временах короля Сигизмунда» Экта Дециуша). Охотно использовали его и в художественной литературе (напр. произведения Станислава Ожеховского и Кшиштофа Варшевицкого, посвященные памяти гетмана Яна Тарновского). Значительную популярность сыскали себе также иконографические изображения битвы, напр., иллюстрации к двум очередным (1564 и 1597 г.) изданиям труда Бельского.

Соответствующий ренессанс пережила оршанская тематика в Речи Посполитой во время ее войны с Россией в первой половине XVII в., явив историческую перспективу для действительных и мнимых побед Зигмунта III и Владислава IV над восточным соседом. Привлекательный материал для импонирующих аналогий давало точное сходство имен Ягеллона и первого из Вазов (напр. анонимная пьеса «Зигмунт I», сыгранная перед Зигмунтом III в Калишской коллегии в 1623 г.). (Иероним Граля (Польша). Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Чтения памяти В.Б.Кобриня «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма». – М., 1992. – С.46-50).